

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Г.Л. Белкина, С.Н. Корсаков

Из истории формирования проблематики комплексного изучения человека (Дейчландсбергские симпозиумы)

В 1980-х гг., по признанию не столько отечественных, сколько главным образом зарубежных специалистов, советская философия занимала достойные позиции в мировой философии. Свидетельством тому могут служить даже изменения чисто формального характера: включение русского в число официальных языков Всемирных философских конгрессов, избрание академика И.Т.Фролова вице-президентом Международной федерации философских обществ, проведение в Москве **VIII Международного конгресса по логике, методологии и философии науки** и, наконец, проведение впервые в России XIX Всемирного философского конгресса. В содержательном плане эти изменения были обусловлены тем мощным развитием, которое получила в 1970–1980-е гг. в нашей стране проблематика философии и этики науки, глобальных проблем, а также новый, гуманистический облик советской философии, вызывавший чрезвычайный интерес за рубежом в годы перестройки. В период перестройки советская философская мысль отнюдь не воспринималась как провинциальная.

В этот период можно говорить об известной синхронности в развитии западной и отечественной философской мысли. Но ещё раньше, в 1970-е гг., когда после всеобщего экономического кризиса, вызванного резким ростом цен на нефть, обострились различные социальные проблемы, во всём мире началось серьёзное изучение социальных последствий научно-технической революции, связанных с появлением совершенно новых проблем: ухудшение экологической обстановки, ограниченность ресурсов, обострение демографической ситуации – получивших позже название глобальных проблем.

В Советском Союзе инициатором исследования глобальных проблем был И.Т.Фролов, который в целом ряде своих работ осуществил их глубокий анализ. Он подходил к глобальным проблемам прежде всего как философ, выдвигая в качестве идеала гармоничную коэволюцию общества и природы. И.Т.Фролов разрабатывал глобальную проблематику синхронно с западными коллегами. Совместно с ними он участвовал в соответствующих проектах международных организаций (ЮНЕСКО, ЮНЕП и др.). Как верно отметила Н.В.Мотрошилова, «Иван Фролов стал одним из тех, кто в отечественной науке и философии заложил основы нового и весьма перспективного научно-теоретического, богатого практическими следствиями направления – учения о глобальных проблемах современности, биоэтики, этики науки в целом. И что принципиально важно, это было сделано синхронно с мировым научно-теоретическим опытом, в дискуссиях с зарубежными и отечественными коллегами»¹.

Синхронность философского развития обеспечивалась интенсивным обменом мнениями, который только расширялся от года к году. В ходе взаимно уважительного диалога, при готовности слушать и слышать друг друга и вместе решать общемировые проблемы, российская философская мысль подчас задавала тон и влияла на выбор приоритетных направлений исследований. В частности, тема XVIII Всемирного философского конгресса в Брайтоне (1988 г.) «Философское понимание человека» была предложена советскими учеными. В нашей стране в 1980-е гг. сложилось мощное исследовательское направление комплексного междисциплинарного изучения человека. Лидером этого направления, объединившего не только философов, но и психологов, нейрофизиологов, генетиков и специалистов других наук, выходящих на проблему человека, стал академик И.Т.Фролов. В организационном плане формы объединения исследователей этой области становились всё масштабнее: в 1983 г. была проведена Первая Всесоюзная конференция по комплексному изучению человека, в 1987 г. был образован Научный совет при Президиуме АН СССР по комплексному исследованию человека, в 1989 г. был создан Всесоюзный межведомственный центр наук о человеке и принята академическая программа научных исследований «Наука, общество, человек», в 1991 г. было принято решение об организации Института человека РАН.

Развитие по нарастающей этих организационных форм отражало изменение проблематики научных и философских исследований в сторону приоритета проблемы человека. Ранее в философском плане она изучалась в рамках философской антропологии. Несмотря на многие интересные результаты, полученные философскими антропологами в XX в., они не слишком продвинулись вперёд от своей исходной точки – дискуссии вокруг содержания понятия «природа человека». Всё более актуальной становилась идея комплексного изучения человека в его целостности. Требовался пересмотр неокантианской традиции разделения на науки о природе и о культуре, вследствие которой человек брался, с одной стороны, как природное существо, а с другой – как обладающее свободой воли, генерирующее символы и руководствующееся смыслами и ценностями. Философское понимание человека нуждалось в оплодотворении результатами исследований наук и требовало более широкой площадки для изучения. Ею стала философия науки.

Логика, методология и философия науки заняла лидирующие позиции в мировой философской мысли в 1970-е гг., оставив далеко позади по степени интереса и актуальности более традиционные дисциплины, в частности, философию природы. При этом фактом является то, что к 1980-м гг. именно в рамках философии науки выросло направление комплексного исследования человека, причём это происходило синхронно в России и на Западе. Могли быть иные пути формирования интереса к философским аспектам проблемы человека, но получилось всё именно так. Имеет смысл разобраться: почему?

Философия науки – дисциплина в высшей степени рефлексивная. Наука, развёрнутая во всем многообразии, имеет своим предметом все сферы окружающей человека реальности и его самого. Исключение составляет лишь аспект целостности, который не схватывается наукой в силу самой её природы. В свою очередь философия науки как бы удваивает рефлексивность, делая предметом научное изучение действительности. При таком подходе на первый план выдвигается сторона науки, связанная с её существованием как одной из форм человеческой деятельности. Если же избран подобный угол рассмотрения, то аспект целостности, фиксирующий единство и взаимосвязи проявлений человека, становится доступным. Философия вступает в свои права.

Кроме того, наука демонстрирует нам сущность человеческой деятельности, так сказать, в чистом виде. Всякая человеческая деятельность имеет две стороны: репродуктивную и генеративную. В научном творчестве приоритет отдаётся последней. Размышляя о науке, мы с необходимостью имеем в виду человека, занятого конструированием того, чего ранее не было в природе. С течением времени всё большее число природных процессов протекает при непосредственном воздействии человека, а иногда и под его управлением. Поэтому изучение науки становится изучением человека, охватившего своей деятельностью всю доступную ему природу. Поскольку мы понимаем науку как деятельность человека, не можем ограничиваться лишь гносеологическим аспектом её анализа, а должны учитывать также этический и практический аспекты.

Вот суть того нового взгляда, который был получен в дискуссиях специалистов по философии науки в середине 1980-х гг. Показательны в этом отношении выводы, сделанные президентом Международной федерации философских обществ Э.Агацци на Всемирном философском конгрессе в Брайтоне в 1988 г.: «Научная деятельность – род человеческой деятельности, и в этом своём статусе она не может не ориентироваться на ценности»². Этический, ценностный аспект должен приниматься во внимание не только при оценке применения результатов научных исследований, но и при постановке исследовательской задачи, при выборе путей и средств её решения. Это необходимо, поскольку сегодня объектом исследования выступают не фрагменты природы как таковые, а человеко-природные комплексы, включённые в планетарную орбиту человеческой деятельности. Негуманное изучение человека искажает истину, будет ненаучным.

Наряду с учётом этической, ценностной стороны научной деятельности, необходимо уделять внимание и её социально-практической стороне. Сегодня, например, нельзя даже затронуть вопросы генетики человека, не обратившись к массе сложнейших социальных проблем. В условиях социально разделённого общества возникает проблема доступа граждан к вновь созданным наукой возможностям, их недобросовестного использования специалистами, заведомо более информированными, чем неспециалисты, проблема чисто функционального отношения к человеку, игнори-

рования его самооценности. Весь этот комплекс проблем необходимо учитывать. Здесь нельзя ограничиться императивом времён Галилея и Бэкона: «Ничего кроме чистой науки!».

Прекрасной исторической иллюстрацией, наглядно демонстрирующей изменение проблематики философии науки в сторону формирования комплексных подходов к изучению человека, могут служить симпозиумы по сквозной теме «Наука и гуманизм», проводившиеся в течение десяти лет с 1979 по 1988 гг. в Австрии в г. Дейчландсберге. Организаторами их были Исследовательский институт им. Людвига Больцмана при Университете г.Граца (Австрия) и Институт науки и общества при Университете Эрлангена-Нюрнберга (ФРГ).

На обсуждение выносились следующие темы: «Социальная теория, научная теория и естествознание» (1979), «Основные направления научных исследований» (1980), «Влияние ценностных факторов на научные исследования» (1981), «Факторы и критерии выбора исследовательских программ» (1982), «Структуры, регулятивы и закономерности развития науки» (1983), «Значение концепций природы для наук о культуре» (1984), «Место и роль субъекта в философских концепциях природы XX века» (1985), «Научное познание и гуманность: структура и динамика процессов и решений, направленных в будущее» (1986), «Гуманистическое содержание наук: изменение основополагающих ценностей (тенденции в философии и науковедении)» (1987), «Научный прогресс и условия возрастания гуманности» (1988).

Инициатором проведения симпозиумов был австрийский профессор Й.Гёчль и директор Института науки и общества при Университете Эрлангена-Нюрнберга К.Буррихтер. Й.Гёчль обеспечивал патронаж ежегодных симпозиумов со стороны правительства федеральной земли Штирии. Президент МФФО А.Димер оказывал поддержку и принимал участие в работе симпозиумов. К дискуссии приглашались специалисты по философии науки из европейских, главным образом немецкоязычных стран: Австрии, ФРГ, Западного Берлина, Швейцарии, Нидерландов. Основным смыслом встреч заключался в налаживании диалога между учёными Западной и Восточной Европы. Поэтому приглашались и учёные из европейских социалистических стран: Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, СССР, Чехословакии. Советские философы участвовали в Дейчландсберг-

ских симпозиумах с 1982 г. В разные годы среди советских делегатов были ведущие специалисты в области философии и этики науки: И.Т.Фролов, Ю.В.Сачков, А.А.Гусейнов, Г.Л.Белкина и др. Каждый день на симпозиуме заслушивался один или два приглашённых докладчика, а затем следовала общая дискуссия.

Само перечисление тем симпозиумов показывает нам вектор смещения интересов участников: от специальных проблем философии науки к проблеме человека, которая ставится отнюдь не в абстрактно-философском плане, а в связи с острыми коллизиями, вызванными стремительным развитием науки, её вмешательством в образ жизни, а то и в саму природу человека. Соответственно на первый план в дискуссиях участников выдвигались вопросы о том, как реагировать на происходящие изменения, как по-новому мы должны понимать науку, какие новые ценности необходимо сформулировать, чтобы дать ответ на вызов современной биологии, какой в результате этих изменений должна стать философия?

В дискуссиях IV симпозиума 1982 г. на тему «Факторы и критерии выбора исследовательских программ» обсуждению подверглись вопросы оценки современной стадии НТР, система детерминант, определяющих развитие науки сегодня, соотношение условий и законов в анализе эволюционных процессов. Л.Захер (Австрия) утверждал, что можно согласиться с концепцией НТР, представленной в работах Радована Рихты (Чехословакия), но подобная революция в социалистических странах фактически не происходит. В ходе дискуссии много внимания уделялось специальным проблемам философии естественных и гуманитарных наук, например, роли случайности в статистических закономерностях или наличию объективных законов в истории, роли ЭВМ в формировании современного языка науки, понятиям цели и самоорганизации. Но основное внимание было уделено проблеме соотношения ценностных установок и закономерностей развития науки. В работе симпозиума принимал участие президент Международной федерации философских обществ А.Димер (ФРГ).

В центре внимания симпозиума 1983 г. на тему «Структуры, регулятивы и закономерности развития науки» была проблема возможностей, которые наука предоставляет для выбора путей развития общества³. Спорным оказался вопрос о научном предвидении будущего. Л.Крюгер (Западный Берлин) утверждал, что возлагать

свои надежды на науку было бы ошибочным: наши знания никогда полностью не соответствуют объектам. Ю.В.Сачков обратил внимание собравшихся на моменты преемственности в развитии знания, на роль технологических и социальных потребностей в развитии науки. К.Вессель (ГДР) доказывал, что развитие научного познания характеризуется не только «асимметрией» (будущее открыто, прошлое свершилось), но и определённой «симметрией» (альтернативность, объективные моменты выбора в прошлом). Участники дискуссии отметили, что синергетика и системный анализ более эффективно описывают подобные ситуации, чем вероятностные (статистические) методы.

Дискуссии касались проблемы соотношения социальных факторов и внутренней логики развития науки, естественного и искусственного в познании, роли истории философии в раскрытии закономерностей развития естествознания. В докладе Г.Л.Белкиной «Социально-этические регулятивы научного познания» подчёркивалось, что наука опирается на ряд методологически-нормативных ценностей, которые часто имеют абсолютное, универсальное значение. Именно она как целое, как особый социальный институт детерминирует свою ценность как средство достижения практических целей человечества, что в одинаковой степени касается как прикладной, так и фундаментальной науки. Именно она как целое лишь тогда может выполнить свою главную социальную функцию, когда ориентируется непосредственно на истину как цель и исходит из объективности познания как высшей ценности, а не руководствуется «оптимумом» достижимого при наличных условиях, что, по мнению некоторых ученых, является главным исходным пунктом прикладной науки. Особое значение это приобретает, когда мы рассматриваем социально-этические и гуманистические регулятивы научного познания. Наука для человека – лишь такая всеобщая социально-этическая, гуманистическая ориентация образует универсальную основу оценки науки с той точки зрения, насколько она способна подчинять свои имманентные цели всеобщей цели социального развития человечества, когда реализация сущностных сил человечества становится самоцелью.

В дискуссии по этому докладу обсуждались вопросы: насколько этика включена в сам «механизм» науки – или же должна вноситься в неё извне; есть ли внутри науки тенденции и возможности

преодолеть определённые противоречия, возникающие между наукой и этикой; в каких отношениях находятся между собой естественные и гуманитарные дисциплины. Вывод дискуссии – преодоление указанных противоречий возможно при соблюдении принципа приоритета человека.

В.Крон (ФРГ) затронул проблему свободы человека в научно-технической среде, способной к самоусложнению: считать ли здесь человека творцом или же звеном информационных процессов. Г.Хёрц (ГДР) говорил о социальной стороне научно-технической деятельности, подчеркнув, что техника не есть просто прикладное измерение естествознания, а особый род научной деятельности, в основе которого лежит конструирование.

Представители западной философии науки выразили явный скептицизм относительно существования законов исторического развития познания. Научное познание, с их точки зрения, есть такая деятельность человека, которая не имеет собственных закономерностей: открытие нового заведомо не может быть закономерным. Эта деятельность регламентируется нормами, которые сложились в обществе и не имеют отношения к собственно развитию науки. При этом вопрос об источнике данных норм остаётся открытым. В своих утверждениях представители западной философии науки исходили преимущественно из позиций конструктивистской, лингвистической и инструменталистской философии. В высказанных на симпозиуме идеях можно видеть ранние формы современного конструктивизма в эпистемологии и популярной сегодня идеи технонауки.

На VI симпозиуме 1984 г. на тему «Значение концепций природы для наук о культуре» в пленарном докладе «Мышление о природе: философские и культурологические аспекты» И.Гёчль (Австрия) утверждал, что, исследуя историю человеческого мышления о природе, можно обнаружить две основные позиции. Первая – природа рассматривалась как объект, категориально отличный от человека, существующий независимо от него, но способный быть познанным им. Вторая – природу можно познать адекватно лишь в том случае, если рассматривать самого человека во всех его проявлениях как её интегрированную часть. Великие физическое теории XX в., а также теория эволюции и молекулярная генетика открывают новое видение природы и человека, а именно «отноше-

ние человек – природа». Это находит своё явное выражение в том, что познающий субъект (человек) не может быть более отделён от объекта (природы). Они оказываются настолько связанными между собой, что структуры субъекта с необходимостью вливаются в понятие объективности. В отношении различных философских теорий о природе в XX в. наблюдается аналогичная тенденция. Это попытка познать субъект в цельности, тотальности с природой. К подобным философским попыткам, которые зачастую весьма отличаются друг от друга, Гёчль отнёс теорию уровней Николая Гартмана, философию процесса Уайтхеда, философско-теологическую космологию Тейяра де Шардена, материалистическую философию, эволюционную теорию познания. Анализ стиля мышления в естествознании и философии XX в. обнаруживает естественнонаучно обоснованное увеличение сцепления структуры «человек – природа» и неразделимость отношений «субъект – объект».

Г.Хёрц (ГДР) в докладе «Есть ли новый тип науки на этапе научно-технической революции?» отметил, что, исходя из разработок новых аспектов современной науки, проведённых И.Т.Фроловым, Й.-М.Леге, И.Пригожиным, М.Эйгеном, Штаренбергской группой и др., следует рассмотреть структуру современного типа науки в сравнении с типом науки периода промышленной революции.

И.Т.Фролов в своей книге «Man – Science – Humanism: A New Synthesis» (М., 1986) писал о новом типе науки, о новом синтезе науки и гуманизма, о необходимости преодоления разрыва между целями познания и гуманистическими идеалами. И.Пригожин и И.Стенгерс назвали свою очередную книгу «Новый синтез. Метаморфозы науки». В ней авторы рассматривали концептуальную трансформацию, приведшую к новому облику науки, «включающей самого открывающего и описывающего этот мир человека»⁴. Природу следует понимать теперь не как технически используемый внешний мир, но как целостность, тотальность, в которой продолжается становление человека. С помощью биотехнологии он превращается в конструктора природы. Как видим, отсюда один шаг до самой обсуждаемой сегодня проблемы – «конструирования человека». Тип науки следует понимать исторически. По мере открытия новых возможностей человека меняются представления о его отношении к действительности, о критериях научной рациональности, о функциях науки. Современный тип науки имеет тен-

денцию преодолеть разрыв между естественными и гуманитарными дисциплинами, истиной и ценностями в познании. Основной задачей науки становится решение комплексных и глобальных проблем посредством работы в междисциплинарных областях.

Вместе с тем акцент на активности человека как субъекта познания и деятельности не означает, что в природе мы познаём лишь самих себя, привнося в неё порядок и смысл, как предположил П.Яних (ФРГ). Природа остаётся первичной, в противном случае вообще невозможно было бы говорить о познании. Дискуссия продемонстрировала, что сходство в констатации активного включения проблематики человека в современные концепции природы не исключает различий в интерпретации этих новых фактов. Признание возрастающей роли субъекта вовсе не обязательно сопровождается усилением субъективизма в методологии. Речь идёт, напротив, о необходимости неклассического понимания объективности познания.

В докладе И.Т.Фролова и Г.Л.Белкиной «Культурные аспекты научно-технического развития» и в их выступлениях в дискуссии было подчёркнуто, что, говоря о культурных аспектах научно-технического развития, мы тем самым не противопоставляем культуру науке и технике и не исходим из концепции «двух культур» (Ч.П.Сноу), хотя надо признать, что дивергентные процессы здесь до сих пор сильнее конвергентных. Наука и техника в принципе органически соединяются в единой культуре человечества в широком смысле этого слова, совпадающем с понятием цивилизации. Однако в узком своём значении культура может представлять как система и знания о духовной стороне человеческой деятельности, и гуманистических ценностей, отличных от научного знания, а потому по-своему характеризующих его в определённых аспектах. Культурные аспекты всякого развития, включая научно-техническое, означают его оценку, соотнесение с высокими гуманистическими ценностями. Но это означает также, что «точкой отсчёта» всякого развития является человек. Докладчики подчёркивали важность развивающейся в современном мировом научном сообществе тенденции гуманизации науки, её подчинения целям человека и общества, соединения исследовательских и ценностных подходов, развития социально-этических основ науки, её органического включения в общую систему гуманистической культуры. Стано-

вится всё более ясным, что социальная, этическая и гуманистическая ответственность учёных не является альтернативой свободы научного поиска. «Человеческое измерение» науки необходимо как в самих исследованиях, так и в их применениях, причём культурные, гуманистические аспекты научно-технического развития должны приобретать всё более решающую роль и не подавляться соображениями о материальной выгоде от технологических применений науки и о якобы принципиальной нерегулируемости познания. Докладчики предложили понятие «высокого соприкосновения» для осмысления современного этапа НТР и его перспектив, связанных с развитием микроэлектроники, информатики и биотехнологии. Суть его в том, что новому, более высокому уровню технологии производства должна соответствовать новая, более высокая ступень развития общества и самого человека в их взаимодействии с природой. «Высокое соприкосновение» научно-технического прогресса вообще и новых технологий в особенности с развитием общества, человека и природы и означает акцентирование культурных аспектов научно-технического развития. В более широком смысле это означает требование коадаптации разума и гуманности как фундаментальное условие существования и развития человека и человечества сегодня и в будущем. Необходимо «высокое соприкосновение» человеческого разума с самим собой, так как истинный разум гуманен по природе своей. Если не произойдёт такого «высокого соприкосновения» сегодня и в будущем, у человечества не только не будет ни настоящего, ни будущего, но исчезнет и прошлое.

Гуманистическая направленность докладов советских философов вызвала оживленную дискуссию участников симпозиума. Отметим, что всё это происходило до начала перестройки, которой, естественно, никто тогда предвидеть не мог. Тем не менее в советской философии вполне развилось гуманистическое направление во главе с И.Т.Фроловым. Идеи этого направления лягут в основу политики перестройки. Но своё влияние на развитие философии науки они оказывали уже тогда. Явственно было видно, что формируется новая сфера исследований, в которой осуществляется философское осмысление и гуманистическая оценка новейших результатов научно-технического развития, так или иначе затрагивающих человека. Независимо от названия этой сферы – «ком-

плексное междисциплинарное исследование человека», «гуманитарная экспертиза и биоэтика» – суть в том, что её появление – это реализация объективной тенденции развития философии науки, выросшей в том числе из международных дискуссий специалистов высочайшего класса.

Однако некоторые представители западной философии науки отрицали наличие закономерностей в развитии общества и в развитии наук о культуре как наук о действиях человека. Так, в докладе Г.Люббе (Швейцария) утверждалось, что в науках о природе объяснения даются через закон, но в науках о культуре (гуманитарных науках) пользуются историческим объяснением. Историю образует последовательность сингулярных, единственных в своём роде событий. Историю имеет только культура, по отношению к природе это понятие может использоваться при анализе случайностей. Г.Люббе не только полагал, что история не имеет законов, что случающиеся события вызваны субъективными причинами, он шёл гораздо дальше и утверждал, что эволюционные процессы заведомо непредсказуемы. Они вариативны, причём выбор и осуществление той или иной возможности в принципе не прогнозируемо.

В ходе VII симпозиума 1985 г. на тему «Место и роль субъекта в философских концепциях природы XX века» в центре внимания оказалась проблема управления прогрессом, успешное решение которой рассматривалось в качестве условия обеспечения дальнейшего существования человечества, будущего человеческой цивилизации. Что касается развития науки в связи с проблематикой гуманизма, наиболее обсуждаемым был вопрос о происхождении и возможностях обоснования норм и ценностей науки⁵. Очевидно, что данная тематика органически выросла из прошлых дискуссий в Дейчландсберге и явилась свидетельством определённого поворота философии науки к проблеме человека. Й.Гёчль в пленарном докладе продолжил развивать мысль об изменении понимания субъекта в философских концепциях XX в. **Сегодня присущее философской методологии Нового времени категорическое разграничение объекта и субъекта безнадежно устарело.** В исторической ретроспективе и перспективе объект и субъект предстают как единство естественной истории и истории культуры.

Доклад И.Т.Фролова и Г.Л.Белкиной был посвящён «человеческим аспектам науки». В нём авторы продолжали развивать свою ранее высказанную идею о «новом синтезе науки и гуманизма». Докладчики обратили внимание на опасности, скрытые в превращении науки в так называемое «научное производство». Реальным становится отвлечение узких научно-технических специалистов от культурных и гуманистических проблем. В своё время Ортега-и-Гассет называл этот «человеческий разрыв» одной из форм «восстания масс». Расцвет цивилизации порождает варварство самоуверенного, но «неграмотного» в нравственном отношении учёного, безразличного к ценностям культуры и гуманизма⁶. Отсюда со всей остротой встаёт вопрос о необходимости разработки проблем этики науки, в особенности в тех областях, где человек непосредственно выступает как объект исследования (генетическая инженерия, этология и др.). И.Т.Фролов поставил вопрос о выработке биоэтических кодексов экспериментирования на человеке и обеспечении социально-этического контроля за соблюдением установленных требований. Главным принципом биоэтических кодексов И.Т.Фролов называл признание права индивида на свободу и неповторимость и считал обязательным её закрепление нормами морали и закона. Вместе с тем он полагал, что при соблюдении этих норм научные исследования могут развиваться беспрепятственно.

В результате исследований, проведённых к началу 1980-х гг., И.Т.Фролов смог органически вписать свои идеи в области этики науки и биоэтики в рамки комплексного междисциплинарного подхода к проблеме человека. Проблема определения степени риска в исследованиях, затрагивающих воспроизводство человека, требует объединения усилий и естественников, и философов, и правоведов и должна быть в центре внимания политиков и широкой общественности⁷. В тот год, когда проводился вышеупомянутый Дейчландсбергский симпозиум, И.Т.Фролов углублённо занимался проблемами этики науки, готовил книгу по этой тематике⁸. Принципы, сформулированные им в докладе в Дейчландсберге, наглядно демонстрируют его взвешенный подход к проблеме. И.Т.Фролов требует от учёных испытывать чувство ответственности и гуманистической тревоги, но далёк при этом от наукофобии и эскапизма. В основе его позиции лежит идущее от Маркса глубо-

кое философское понимание того, что наука становится демонической силой в отчуждённом обществе, но не является угрозой сама по себе. Одновременно мы можем видеть в докладе И.Т.Фролова зарождение российской биоэтики. Надо заметить, что в 1985 г. и на Западе биоэтика была на начальной стадии своего развития, так что биоэтические размышления И.Т.Фролова находились на переднем крае научно-философской мысли. Американский историк биоэтики Р.Т. Де Джордж констатировал: «Возможно, самый большой вклад, внесённый И.Т.Фроловым в исследования в этой области, заключается в подчёркивании глобального характера, который имеют многие проблемы биоэтики». Сказав, что советские философы отставали от представителей других профессий и от аналогичных обсуждений на Западе в постановке и анализе проблем биоэтики, он сделал вывод: «Фролов является выдающимся исключением». Анализируя дискуссии в Дейчландсберге, мы можем констатировать, что биоэтика как междисциплинарная сфера исследований и практики возникла в ходе гуманистической трансформации философии науки.

На VIII симпозиуме 1986 г. «Научное познание и гуманность: структура и динамика процессов и решений, направленных в будущее» острую дискуссию вызвал вопрос о возможности предвидения будущего. Наряду с однозначно негативными ответами на этот вопрос, многие участники высказали мнение, что предвидение реальных перспектив будущего становится сегодня одним из необходимых условий управления социальным прогрессом в целях выживания и развития человечества. По мнению О.Маркварда (ФРГ), науки сами по себе обладают гуманизирующими потенциалами. «Две культуры» Сноу или «три культуры» Лепениза взаимно ограничивают себя. Плюрализм взаимоограничивающих себя научных культур является существенным моментом гуманизирующего потенциала науки, поскольку единство последней весьма проблематично. По прогнозу Маркварда, мир будет всё больше нуждаться в гуманитарных науках. По мнению Г.Хёрца наука как рациональное познание мира имеет практически неограниченные возможности, при этом задача гуманистической философии состоит в предохранении науки от негуманных путей развития. Нельзя относиться к науке просто как к производительной силе без учёта глобальных проблем. Развитие микроэлектроники, информатики и

биотехнологии требует нового мышления. В системе «человек – машина» возрастает ответственность человека за принятое решение. Н.Хагер (ГДР) обратила внимание на то, что неопределённость играет очень большую роль в процессах принятия решения. По мнению Г.Кёхлера (Австрия), степень определённости будущего зависит от полноты наших знаний. Т.Фельдеси (Венгрия) обратил внимание на то, что сам человек вносит во всякую ситуацию множественность возможных решений, а потому детерминированность их в обществе невозможна в отличие от природы. При этом субъективно человек может считать принятое им решение неизбежным. Человек выбирает сам, но выбор его детерминирован, ограничен законами природы. От СССР на симпозиуме выступила Г.Л.Белкина с докладом о роли науки в предвидении будущего.

На IX симпозиуме 1987 г. на тему «Гуманистическое содержание наук: изменение основополагающих ценностей (тенденции в философии и науковедении)» обсуждались вопросы ответственности учёных не только за практическое использование научных результатов, но и за сам исследовательский выбор⁹. Интересное развитие получила дискуссия о возможности включения в научный выбор ценностного начала. Э.Моршер (ФРГ) убедительно обосновал классическую новоевропейскую позицию по этому вопросу о ценностной нейтральности науки. Парадокс состоит, однако, в том, что позиция эта может быть логически безупречно обоснована, но этого оказывается недостаточным для её принятия. Ясно, что ценностные параметры развития науки не могут оставаться лишь внешними запретами. Однако логически обосновать синтез когнитивных и ценностных моментов познания пока что не удаётся. Сегодня тезис о ценностной нейтральности науки не проходит не по логическим, а по гуманистическим, т. е. практическим основаниям. В ходе дискуссии было высказано мнение, что усложнение техники и технологий не ведёт автоматически к повышению их надёжности. Острее становится проблема случайности и риска. Появились формы риска, способные привести к необратимым глобальным катастрофам. К тому времени уже вышла книга У.Бека «Общество риска», где ставились многие из этих проблем. Становилось ясно, что вопрос о технической надёжности – это, таким образом, вопрос о человеческой надёжности. Повышение конфликтности отношений между

людьми эту надёжность снижает. Действительно, в высокотехнологических обществах возможны атаки на «узкие места» системы, которые способны вывести её из строя (в случае, например, террористической атаки, как это имело место в США в 2001 г.). Г.Л.Белкина в своём докладе о нравственной ответственности учёного в современном мире обратила внимание, что этику науки нельзя сводить к профессиональному этосу учёного.

Юбилейный X симпозиум 1988 г. был посвящён теме «Научный прогресс и условия возрастания гуманности»¹⁰. Участники заключительного X симпозиума, оценивая результаты проводившихся начиная с 1979 года в течение 10 лет Дейчландсбергских симпозиумов по теме «Наука и гуманизм», констатировали их безусловную результативность в анализе тенденций развития философии науки.

Этот анализ показывает, что с развитием научно-технической революции, при всей ее противоречивости, вызвавшей небывалое развитие производительных сил, сегодня встают и мировоззренческие, и этические проблемы гуманизации научно-технического прогресса. Вопросы гуманизации НТП сегодня напрямую связаны с проблемами человеческого существования. Участники дискуссий согласились в том, что развитие НТР не влечёт за собой автоматически гуманизацию науки, да и общества в целом. Поэтому таковая предстаёт ныне как актуальнейшая задача для всех ответственных исследователей независимо от их мировоззренческих установок.

К числу новых тем, поднятых за десять лет Дейчландсбергских симпозиумов, следует отнести социокультурное понимание науки (симпозиумы 1983 и 1987 гг. – Й.Гёчль, И.Эрпенбек), идею нового синтеза науки и гуманизма (1985 г. – Г.Белкина, И.Фролов), постановку вопросов этики в связи с философией науки (1987 г. – А.Гусейнов, К.Войцеховский), требование разработки этики ответственности (1984 г. – Х.Позер, О.Маркварт). Приведённые примеры хорошо демонстрируют главный вектор дискуссий: от вопросов профессионального этоса учёного к этике науки, приоритет которой – гуманистическое развитие общества. Наиболее обсуждаемым был вопрос о способах внедрения этических критериев в сам процесс научного исследования. Инициатор симпозиумов И.Гёчль говорил в связи с этим о необходимости подвести под научно-техническую

цивилизацию антропологическо-этическое основание. Научное *познание* и гуманистические *решения* – вот центральный пункт стратегии овладения научно-техническим прогрессом, обеспечивающий сочетание его эффективности с гуманностью. Об этом шла речь в докладах на целом ряде Дейчландсбергских симпозиумов (1981, 1982, 1986 гг. – Г.Хёрц, Г.Мейер, М.Бур и др.).

Через все симпозиумы красной нитью, то ослабляясь, то усиливаясь, проходила дискуссия об образе будущего общества, о возможных методиках анализа футурологических проблем.

Серьезное обсуждение вызвал доклад К.Буррихтера, в котором высокоразвитые индустриальные страны 1980-х гг., как капиталистические, так и социалистические, определялись как «проблемные общества», находящиеся в «переходной ситуации» и сталкивающиеся с бóльшим числом проблем, чем они в состоянии решить. К.Буррихтер утверждал, что как социалистическому, так и рыночному обществу 2000-х гг. следует заново основательно переосмысливать свои проблемы. По мнению Ю.Миттельштрасса (Швейцария), перспективы будущего зависят от того, состоится ли новое Просвещение, от того, смогут ли консолидироваться силы разума и реализма, чтобы противостоять открытым или же завуалированным иррационалистическим тенденциям. В этом случае понятие разума в философии также сохранит своё значение.

Перспективной для обсуждения участники симпозиума 1988 г. признали тему «Единство научно-технического прогресса и многообразие социокультурных идентичностей». Это была своего рода повестка дня на 1990-е гг. – эпоху глобализации и мультикультурализма.

Работа Дейчландсбергских симпозиумов отличалась духом благожелательности, терпимости и диалога. При этом участники могли остро полемизировать, отстаивать свои научные позиции. Симпозиумы выполнили свою главную задачу: способствовали налаживанию диалога и взаимопонимания между философами Запада и Востока Европы. После событий 1989 г. в Восточной Европе сложилась качественно иная ситуация, в результате чего Дейчландсбергские симпозиумы стали достоянием истории.

Симпозиумы в Дейчландсберге – важная страница в истории формирования проблематики комплексного изучения человека. Обращение к дискуссиям в Дейчландсберге позволяет обнару-

жить, когда именно возникали новые, поворотные идеи, как они формулировались, какой понятийный аппарат при этом использовался. Скажем, биоэтические проблемы или вопросы глобалистики, возникнув как побочный продукт дискуссий по методологии, философии и этике науки, превратились в самостоятельные исследовательские области. Всё это очень интересно и поучительно. Историю, в том числе историю науки, нужно писать вовремя, пока имеются документы и живы участники событий. Тогда в ней можно будет выявить некоторые общие закономерности возникновения новых научных направлений, что окажется весьма полезным на будущее.

Примечания

- ¹ Мотрошилова Н.В. Об Иване Фролове – субъективные заметки // Академик Иван Тимофеевич Фролов: очерки, воспоминания, избр. ст. М., 2001. С. 313.
- ² Агацци Э. Человек как предмет философского познания // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 72.
- ³ Белкина Г.Л., Сачков Ю.В. Наука и гуманизм // Вопр. философии. 1984. № 3. С. 137–140.
- ⁴ См.: Природа. 1985. № 11. С. 99.
- ⁵ Белкина Г.Л. Место и роль субъекта в философских концепциях XX в. // Вопр. философии. 1986. № 9. С. 147–149.
- ⁶ Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М., 1991. С. 139–140.
- ⁷ Фролов И.Т. О диалектике и этике биологического познания // Вопр. философии. 1978. № 7. С. 42.
- ⁸ Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки: проблемы и дискуссии. М., 1986.
- ⁹ Гусейнов А.А. Наука и гуманизм // Филос. науки. 1988. № 8. С. 115–116.
- ¹⁰ Röseberg U. Wissenschaft und Humanismus. Vorläufige Bilanz dem X Internationalen Deutschlandsberger Symposium // Zeitschrift für Deutsche Philosophie. 1989. Heft 3. S. 272–276.